

DOI: 10.31857/S013038640005851-4

© 2019 г. Б. С. КОТОВ

ПОЛИТИКА АВСТРО-ВЕНГРИИ ВО ВРЕМЯ БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912–1913 годов В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Котов Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

E-mail: bs.kotov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается отношение ведущих органов российской прессы начала XX в. к политике Австро-Венгрии в период двух Балканских войн 1912–1913 гг., чрезвычайно обостривших международную ситуацию и поставивших Россию и Австро-Венгрию на грань войны из-за борьбы за влияние на страны Балканского региона. Констатируется, что политика Австро-Венгрии приковывала к себе пристальное внимание российского общества на протяжении всего балканского кризиса 1912–1913 гг., в ходе которого в России произошел заметный рост антиавстрийских настроений. Империя Габсбургов, противодействовавшая Балканскому союзу, в первую очередь Сербии и Черногории, и стремившаяся путем создания Албании ограничить приобретения двух этих православных славянских государств, воспринималась в России в качестве главного врага славянства. Развал Балканского союза и начало Межсоюзнической войны летом 1913 г. были восприняты в России как наивысшее достижение австрийской дипломатии. Однако в оценке результатов этой войны российская общественность не была столь единодушна. Наряду с утверждениями о полном торжестве Австро-Венгрии в прессе довольно часто высказывалось мнение, что, развалив Балканский союз, империя Габсбургов одержала пиррову победу: вместо гегемонии Болгарии австрийцы получили на Балканах усилившуюся Сербию, вместо союза Болгарии, Румынии и Турции, о котором мечтали в Вене, возник блок Сербии, Греции, Черногории и Румынии, направленный как против болгарского реваншизма, так и против австрийского экспансионизма. Анализ прессы позволяет сделать вывод, что во время балканского кризиса 1912–1913 гг. в восприятии русского общества прочно утвердился образ австрийского врага. Начавший формироваться в середине XIX в. под влиянием поведения Вены во время Крымской войны образ вероломной и враждебной не только России, но всему славянству империи Габсбургов в период двух Балканских войн стал доминирующим в большинстве ведущих российских изданий.

Ключевые слова: Россия, Австро-Венгрия, Балканские войны 1912–1913 гг., Сербия, Черногория, Болгария, Греция, Румыния, Албания, Османская империя, российская пресса.

B. C. Kotov**The Policy of Austria-Hungary During the Balkan Wars of 1912-1913 in the evaluation of the Russian Press***Boris Kotov, Research Fellow of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).*

Abstract. The article examines the attitude of the leading Russian media of the early 20th century to the policy of Austria-Hungary during the two Balkan wars of 1912–1913, which extremely aggravated the international situation and put Russia and Austria-Hungary on the brink of war because of the struggle for influence on the countries of the Balkan region. It is stated that the policy of Austria-Hungary attracted the attention of the Russian society throughout the Balkan crisis of 1912–1913, during which there was a noticeable increase in anti-Austrian sentiments in Russia. The Habsburg Empire, which opposed the Balkan League, first of all, of Serbia and Montenegro, and sought by the creation of Albania to limit the gains of these two Orthodox Slavic States, was perceived in Russia as the main enemy of the Slavs. The collapse of the Balkan League and the beginning of the Second Balkan War in the summer of 1913 were perceived in Russia as the highest achievement of Austrian diplomacy. However, in assessing the results of this war, the Russian public was not so unanimous. Along with statements about the complete triumph of Austria-Hungary, the press often expressed the opinion that, after the collapse of the Balkan League, the Habsburg Empire won a Pyrrhic victory: instead of the hegemony of Bulgaria, the Austrians got stronger Serbia in the Balkans; instead of the Union of Bulgaria, Romania, and Turkey, which was dreamt of in Vienna, there was a block of Serbia, Greece, Montenegro, and Romania, directed against both the Bulgarian revanchism and Austrian expansionism. The analysis of the press allows to conclude that during the Balkan crisis of 1912–1913 the image of ‘the Austrian enemy’ was firmly established in the perception of the Russian society. The image of the Habsburg Monarchy as a treacherous empire, hostile not only to Russia, but to the entire Slavs, which began to form in the middle of the 19th century under the influence of Vienna’s conduct during the Crimean War, during the two Balkan Wars became dominant in most leading Russian publications.

Keywords: Russia, Austria-Hungary, Balkan Wars of 1912–1913, Serbia, Montenegro, Bulgaria, Greece, Romania, Albania, Ottoman Empire, Russian press.

Балканские войны, продолжавшиеся с октября 1912 г. до августа 1913 г., оказали существенное влияние на отношения между ведущими европейскими державами, имевшими в этом регионе свои интересы. Ослабив Турцию и значительно усилив балканские христианские государства, прежде всего Сербию и Грецию, они изменили расстановку сил в Европе. Германия, стремившаяся к установлению своей гегемонии на Ближнем Востоке и превращению Турции в своего союзника в возможной войне со странами Антанты, более не могла рассчитывать на Турцию как на серьезную силу. Одновременно победы Сербии над турками в первой Балканской войне и над болгарями во второй дали новый толчок национально-освободительному движению югославянских народов империи Габсбургов, почувствовавших силу и жизнеспособность независимого сербского государства.

Австро-Венгрия, стремившаяся к установлению своего преобладающего влияния на Балканах и сталкивавшаяся здесь в первую очередь с Россией, была заинтересована в сохранении status quo, сложившегося после Берлинского конгресса 1878 г. Сохранение под властью турок значительных территорий на Балканах (Фракии, Македонии, Албании, Эпира, Косово), во-первых, гарантировало Австрию от возникновения здесь сильного славянского государства (чему Вена смогла помешать на Берлинском конгрессе, не допустив создания Болгарии в сан-стефанских границах), а, во-вторых, оставляло возможность в случае возникновения благоприятной для австрийского

экспансионизма международной конъюнктуры прибрать турецкое наследство на Балканском полуострове к своим рукам. Эти расчеты предопределили поведение австрийской дипломатии во время балканского кризиса 1912–1913 гг.: Вена стремилась максимально ограничить приобретения победителей Турции, особенно сербов и черногорцев, ослабить, а по возможности и развалить, Балканский союз, стравив его участников в борьбе за раздел отвоеванных у Турции территорий.

Цели России были прямо противоположны австрийским. Российская дипломатия стремилась в сотрудничестве с партнерами по Антанте не допустить одностороннего австрийского выступления на Балканах, отстоять мирными дипломатическими средствами завоевания сербов, черногорцев, болгар и греков, не допустить развала Балканского союза после его решительной победы над Турцией. Вместе с тем поражения турок заставили российское руководство всерьез задуматься над обеспечением национальных интересов России в зоне Черноморских проливов в случае окончательного крушения Турецкой империи. Политика России в период двух Балканских войн, направленная на поддержку усиливавшихся славянских государств Балканского полуострова, находившихся в антагонизме с империей Габсбургов, неизбежно вела к столкновению России с последней.

После Боснийского кризиса 1908–1909 гг. и Агадирского кризиса 1911 г. Балканские войны 1912–1913 гг. стали еще одним испытанием на прочность для европейского мира. Россия и Австро-Венгрия не раз в течение этих десяти месяцев балансировали на грани войны. И только крайняя осторожность российской дипломатии, руководимой министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, позволила избежать военного конфликта между двумя государствами. «Балканские войны привели к обострению русско-австрийских противоречий, продемонстрировали безусловную поддержку Германией австрийской экспансии на Балканах, но показали и известную несогласованность позиций стран Тройственного соглашения»¹.

Все происходившее на Балканах чрезвычайно волновало русское общество, традиционно видевшее свою миссию в этом регионе как освободительную. В российской прессе с октября 1912 г. события на Балканах заняли центральное место, оттеснив на второй план все прочие вопросы внешней и внутренней политики. Газеты ежедневно публиковали передовые статьи и фельетоны, посвященные балканскому конфликту, военные обзоры, отчеты военных корреспондентов в действующих армиях балканских государств, беседы с дипломатами, как русскими, так и иностранными. Целые полосы занимали телеграммы Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПА), иностранных информационных агентств и собственных корреспондентов. Журналы, в свою очередь, помещали обширные аналитические статьи, снабженные подробными экскурсами в историю Балканского полуострова и Восточного вопроса.

За редкими исключениями газеты и журналы России с большим воодушевлением восприняли победы болгар, сербов, черногорцев и греков над турками. «Успех балканских союзников открыл поборников славянской идеи в России»². В возникновении на обломках Европейской Турции новой мировой силы — союза балканских народов — правые панславистские издания усматривали конец культурно-политического одиночества России в Европе, а также смертельный удар по инсинуациям германских шовинистов о неспособности славянских народов к успешному государственно-му строительству и взаимовыгодному сотрудничеству. Либеральная пресса подчеркивала значение побед балканцев для сохранения баланса сил в Европе: формирование

¹ Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. Научный руководитель В. Л. Мальков, отв. ред. Г. Д. Шкундин. М., 2002, с. 71.

² Кострикова Е. Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос. Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017, с. 261.

дружественного России, Франции и Англии Балканского союза, по их мнению, укрепляло позиции Антанты в военно-политическом противостоянии с Тройственным союзом, а разгром турецкой армии, обученной немецкими инструкторами, лишил Германию потенциального военного союзника на Ближнем Востоке.

Начавшаяся война сразу вышла за рамки обычного локального конфликта. Балканы, этот «пороховой погреб» Европы, были постоянным источником напряженности в отношениях между великими державами. В этих условиях нельзя было исключить возможность перерастания Балканской войны в общеевропейскую. Особую тревогу внушало поведение Австро-Венгрии, которая, осуществив аннексию Боснии в 1908 г., продемонстрировала тем самым стремление к дальнейшему территориальному расширению на Балканах за счет югославянских народов этого региона. Как отмечает автор исследования дипломатической стороны балканского кризиса 1912–1913 гг. историк Э. Хелмрич, «политика ни одной другой страны не вызывала так много беспокойства в начале Балканской войны, как политика Австро-Венгрии»³. Причиной этого была неопределенность австрийской политики и неясность относительно истинных намерений Бальхаусплатца⁴.

Об австрийской политике на Балканах пресса России писала в сентябре и октябре 1912 г. не меньше, чем о перспективах вооруженного противоборства Болгарии, Сербии, Черногории и Греции с Османской империей. Какую позицию займет Вена в случае того или иного исхода войны, не воспользуется ли австро-венгерская дипломатия и генштаб этой страны связанностью сербской армии военными действиями против турок в Македонии для того, чтобы нанести по Сербии удар с тыла, и таким образом навсегда решить проблему сербского ирредентизма, будет Австрия ждать решительной победы одной из сторон в конфликте для заявления своих собственных претензий на часть турецкого наследства или же раскроет свои карты немедленно после начала боевых действий — таковы были основные вопросы, занимавшие российскую прессу в начале балканского кризиса.

В России были уверены, что империя Габсбургов не отказалась от идеи продвижения сферы своего господства к Эгейскому морю и подчинения себе в той или иной форме независимых балканских государств. Заявления австрийского министра иностранных дел в 1906–1912 гг. А. Эренталя, сразу же после аннексии Боснии торжественно объявившего, что Австрия насыщена и не помышляет более о территориальном расширении на Балканах, ни одна российская газета не воспринимала всерьез. А туманная и не согласованная с Россией инициатива преемника Эренталя графа Л. Берхтольда о децентрализации балканских вилаетов Турции, появившаяся в августе 1912 г. на фоне беспорядков в Македонии, только подогревала подозрительное отношение русского общества к австрийской внешней политике.

Пресса указывала, что полем непосредственного столкновения Австрии с Балканским союзом может стать Новобазарский санджак, разделявший территорию Сербии и Черногории и примыкавший к австрийской Боснии. На Берлинском конгрессе 1878 г. руководитель делегации Австро-Венгрии Д. Андраши добился согласия остальных держав на оккупацию австрийскими войсками этого санджака, входившего в состав Косовского вилаета Турции и населенного преимущественно исламизированными сербами. Правда, в отличие от Боснии и Герцеговины австрийцы не могли осуществлять здесь свою административную власть. Контроль над Новобазарским санджаком был чрезвычайно важен для Австрии по двум причинам. Во-первых, до

³ *Helmreich E. C. The Diplomacy of the Balkan Wars. 1912–1913. Cambridge, 1938, p. 165.*

⁴ Площадь в центре Вены, где находилось здание Министерства иностранных дел империи Габсбургов; в исторической литературе это слово часто используется для обозначения внешнеполитического ведомства и дипломатии Австро-Венгрии.

тех пор, пока он находился в австрийских руках, не могло быть и речи об объединении Черногории и Сербии в одно государство. Во-вторых, через Новобазарский санджак проходил наиболее удобный для австрийцев путь в Западную Македонию и на Салоники. В Вене он рассматривался как база для дальнейшего продвижения к Эгейскому морю.

Странный неопределенный статус Новобазарского санджака, оставшегося частью Турции, но занятого австрийскими войсками, сохранялся в течение 30 лет. Только в 1909 г. А. Эренталь, желавший скорейшего признания факта аннексии Боснии Турцией, Россией и Сербией, вынужден был пойти на некоторые уступки, заявив о выводе войск из Новобазарского санджака. В подписанном 26 февраля 1909 г. австро-турецком договоре, урегулировавшем отношения двух держав после аннексии Боснии и Герцеговины, австрийская сторона объявила, что окончательно отказывается от всех прав на Новобазарский санджак, предоставленных ей Берлинским трактатом 1878 г. Это решение уже тогда подверглось критике в австро-венгерской печати, а в напряженной атмосфере кануна первой Балканской войны в Австрии все громче раздавались призывы вновь ввести войска в санджак, не позволив тем самым сербам и черногорцам захватить его и поделить между собой.

Сообщая об этих угрозах прессы дуалистической империи, газета «Новое время» писала, что их реализация означала бы самое активное вмешательство Австро-Венгрии в балканский кризис. Повторная оккупация санджака стала бы «поразительно бесцеремонным» нарушением взятых на себя Веней международных обязательств и «несомненным вызовом по адресу всех европейских держав»⁵. «Новое время» не исключало, что в случае, если сербы и черногорцы вступят на территорию Новобазарского санджака, австрийцы могут захватить столицу Сербии Белград. Это не нанесет Сербии смертельного удара, но крайне обострит ситуацию в Европе. Газета предупреждала, что «занятие Белграда австрийцами, конечно, превратит балканскую войну в такой международный вопрос, после которого дело начнет решаться уже не скромными силами сербов, а другими более могущественными политическими факторами»⁶.

Газета партии прогрессистов «Утро России», настроенная крайне воинственно по отношению к империи Габсбургов, также была убеждена, что Россия не может остаться пассивной в случае австрийского вооруженного выступления на Балканах. Российская дипломатия, по ее мнению, должна была не уговаривать Австрию воздержаться от оккупации санджака, а пригрозить ей, что, как только австрийские войска перейдут границу, отделяющую Боснию от турецких владений на Балканах, Россия будет считать Австрию участницей войны на стороне Турции и двинет свою армию в австрийскую Галицию. Правительству В. Н. Коковцова следует недвусмысленно заявить, что оно полностью поддерживает сербо-черногорские притязания на Новобазарский санджак, который «должен непроницаемой стеной стать перед австрийским германизмом. В этом интересы России и всего славянства»⁷.

Либеральное «Русское слово» считало, что России не стоит опасаться немедленно-го выступления Австрии на Балканах. «Австрия отлично умеет загребать жар чужими руками и жать там, где не сеяла»⁸, — писала газета, предполагавшая, что, скорее всего, Вена заявит о своих претензиях и желательном для себя плане перераспределения турецкого наследства только тогда, когда обе борющиеся стороны истощат друг друга в кровопролитной борьбе и будут заинтересованы в дипломатической поддержке

⁵ Новое время, 12.IX.1912.

⁶ Новое время, 14.IX.1912.

⁷ Утро России, 9.X.1912.

⁸ Русское слово, 22.IX.1912.

со стороны Австро-Венгрии. Тогда австрийцы потребуют в качестве компенсации за нейтралитет Новобазарский санджак и протекторат над Албанией.

Газета партии конституционных демократов (кадетов) «Речь» также полагала, что в начальный период войны империя Габсбургов будет сохранять нейтралитет, со стороны наблюдая за балканской схваткой. За нее будут выполнять работу сокрушения Турции сербы, черногорцы, болгары и греки. Австрия же явится на сцену в последнем акте, когда речь пойдет о начертании новых границ на месте бывших турецких владений. Едва ли раньше этого момента можно ожидать каких-либо общеевропейских осложнений⁹.

Неоднократно на страницах русских газет накануне и в первые дни Балканской войны, когда еще не обрисовалось сокрушительное и неожиданное поражение Турции, высказывались опасения, что главным победителем в начинающейся войне будет именно Австро-Венгрия, которой удастся навязать обеим борющимся сторонам свой вариант урегулирования, установив вместо турецкой власти на Балканах свою собственную гегемонию.

Об этом, в частности, писало «Утро России», уверенное, что даже в случае победоносного завершения войны против Порты балканские союзники не получат ничего из турецких владений. Газета прогрессистов предполагала, что война окончится созданием с одобрения концерта великих держав ряда автономных областей (Македония, Старая Сербия, Албания) под формальным суверенитетом турецкого султана. Как и Босния в 1878 г., области эти вскоре окажутся под протекторатом «нейтральной» великой державы, т.е. Австрии. Борьба балканских народов за освобождение от турецкой власти своих соплеменников казалась этой газете безнадежной и бесперспективной. Война, по ее словам, будет вестись «*ad majorem Austriae gloriam*»¹⁰. Окровавленные трофеи этой войны будут вырваны от победителей алчными австрийскими руками»¹¹.

Полный разгром турецкой армии на полях сражений в Македонии и Фракии и как следствие радикальное изменение сохранявшегося на Балканах со времен Берлинского конгресса положения вещей стало неожиданностью для великих держав. После сражений у Люле-Бургаса, Кирк-Килисе и Куманово стало ясно, что сохранить *status quo* и спасти Европейскую Турцию невозможно. Ошеломляющие победы балканских государств застигли врасплох всю Европу и поставили на повестку дня ряд сложных вопросов, к решению которых не была в то время готова ни одна из великих держав: о новом территориальном разграничении на Балканах, о будущем статусе Черноморских проливов, о судьбе островов в Эгейском море, наконец, вопрос о распределении сфер влияния великих держав в Азиатской Турции.

Для Австрии победы Балканского союза над Османской империей были очень неприятны и таили в себе огромные опасности. Военная сила Сербии, ярко проявившаяся в войне с Турцией, территориальное расширение Сербии в направлении Косово и Македонии подняли международный престиж этого государства. Одновременно победы сербов и их союзников способствовали падению авторитета монархии Габсбургов не только на международной арене, но и в глазах собственных подданных славянского происхождения. Для живших в Австро-Венгрии сербов, хорватов и словенцев Сербия, продемонстрировавшая свою жизнеспособность, превращалась в притягательный центр объединения всех югославян. Для Австро-Венгрии возникала альтернатива: или подрыв Балканского союза и привлечение на свою сторону Сербии и других балканских государств, или война и уничтожение опаснейшего центра югославянского ирредентизма в лице сербского государства.

⁹ Речь, 19.IX.1912.

¹⁰ к вящей славе Австрии (*лат.*).

¹¹ Утро России, 23.IX.1912.

Сразу же после поражения Турции австрийская дипломатия попыталась пойти по первому пути, укрепив свои позиции на Балканах за счет секретного двустороннего соглашения с Белградом. Для этого готовилась соответствующая общественная атмосфера. По инструкции Бальхаусплатц австрийские газеты неожиданно начали писать о новой эре согласия и взаимовыгодного сотрудничества, которая может наступить в отношениях между Балканским союзом и австро-германским блоком. Со страниц австрийских и венгерских газет внезапно исчезли пренебрежительные и враждебные выпады в адрес балканских славянских государств. Не повторялись более утверждения о неизбежности балканского status quo, прекратились подстрекательства Румынии к немедленной оккупации болгарской Добруджи и угрозы силой не допустить сербские войска в Новобазарский санджак.

Вслед за прессой к заигрываниям с балканскими победителями перешло и австро-венгерское внешнеполитическое ведомство. Выступая в комиссии по внешним делам австрийской делегации 5 ноября (23 октября) 1912 г., Л. Берхтольд заявил: «Мы готовы принять в расчет новое положение, созданное победами балканских государств, и таким образом положить основание прочному дружественному соглашению с ними. С другой стороны, мы также имеем право требовать, чтобы законные интересы монархии не пострадали при устройстве нового положения вещей на Балканах»¹². На совещаниях в Министерстве иностранных дел Австро-Венгрии, состоявшихся 25 (12) и 30 (17) октября 1912 г., было принято решение не противодействовать расширению Сербии в Косово и Македонии и признать присоединение к Черногории части албанских земель с крупнейшим городом Северной Албании Скутари, если Белград и Цетинье выполнят ряд условий.

Эти австрийские условия в ходе строго секретных переговоров были доведены до сведения сербского и черногорского правительств. Оба балканских государства должны были пойти на экономическое сближение с Австрией вплоть до заключения таможенного союза, дать обязательство тесно координировать свои действия на международной арене с Веней, а также торжественно отказаться от антигабсбургского и великосербского политического курса. От черногорцев кроме того требовали согласиться на исправление границы для обеспечения стратегических интересов Австро-Венгрии (австрийцы претендовали на Ловченские высоты, контроль над которыми был необходим для превращения бухты Катарро в сильную военно-морскую базу). Данные условия не являлись неприемлемыми для черногорского короля Николы Негоша. Однако сербское правительство во главе с Н. Пашичем не согласилось с австрийскими предложениями, поскольку они не только угрожали Сербии потерей суверенитета и независимости, но и не предполагали передачу Сербии части североалбанских земель с собственным портом на Адриатике — в этом вопросе Вена оставалась абсолютно непримирима и не шла ни на какие уступки¹³.

Российская общественность придавала чрезвычайно большое значение изменению тона австрийской прессы после побед Балканского союза, усматривая в этом начало переориентации всей австрийской внешней и внутренней политики в сторону сближения с балканскими славянами и своими собственными подданными славянского происхождения.

Старейшая либеральная газета России «Русские ведомости» сообщала в октябре 1912 г., что Балканская война заставила многих в Австрии задуматься над

¹² Цит. по: Жогов П. В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912–1913 гг. М., 1969, с. 135.

¹³ Bridge F. R. Österreich(–Ungarn) unter den Grossmächten. – Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Hrsg. von A. Wandruszka und P. Urbanitsch. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen, T. 1. Wien, 1989, S. 325–326.

целесообразностью антисербского и вообще антиславянского курса¹⁴. В последнее время в Австро-Венгрии все большую популярность приобретают идеи триализма, которые связываются с именем наследника габсбургского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, стремящегося к преобразованию государства и созданию из югославянских областей империи — Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии, Герцеговины — отдельного славянского королевства в рамках империи. Сторонниками идеи триализма являлись, по информации газеты, не либеральные, а консервативные круги, считавшие, что Австрия должна перестать воспринимать себя как немецкую страну и «привесок Германии» и признать, что является преимущественно славянским государством. Только в этом случае империя Габсбургов перестанет быть «пугалом для балканских славян» и, возможно, станет центром притяжения для них.

Неоднократно на страницах русских газет высказывались опасения, что наметившийся поворот австрийской политики угрожает влиянию России на Балканах. Так, «Утро России» предполагало, что в будущем именно Вена может стать магнитом, для консолидации Балканского союза. Такой сценарий развития событий сведет на нет русское влияние в Софии, Белграде и Цетинье. «Теперь именно поставлен ребром вопрос: кто объединит около себя славянство, кто привлечет их к себе, кто подготовит будущее политическое единение славян — Вена или Петербург?»¹⁵. «Новое время» также высоко оценивало шансы на создание в будущем «балкано-дунайского» союза во главе с Габсбургами¹⁶. По мнению этой газеты, австрийская дипломатия в критический для себя момент, когда казалось, что австрийская игра на Балканах проиграна безвозвратно и империя навсегда отрезана от Салоник, еще раз продемонстрировала «прославленную гибкость своего ума»: из врага она превращается в «приятного друга балканских государств», готового признать раздел между Сербией, Черногорией, Болгарией и Грецией всего турецкого наследства в Европе, потребовав для себя роль гегемона в Балканском союзе.

По мнению октябристского «Голоса Москвы», речь шла об изменении только тактики, но не стратегии австрийского экспансионизма. Угрозы и враждебная в отношении Балканского союза линия явно себя не оправдала, вызвав только раздражение и озлобление балканцев против империи Габсбургов. А потому в Вене теперь рассчитывают на переманивание Балканского союза на свою сторону. «Вена не мытьем, так катаньем хочет добиться своего, и вместо того, чтобы стараться сломить народившуюся на Балканах новую силу, она не прочь подчинить эту силу себе и заставить ее служить австрийским целям»¹⁷. Главная же цель Австро-Венгрии остается прежней — подчинение своей власти всего Балканского полуострова и выход к Эгейскому морю. «Голос Москвы» не исключал возможности, что в ближайшее время Дунайская империя поставит перед воюющими балканскими странами дилемму: либо подчинение австрийской гегемонии и создание австро-румыно-балканского союза, либо военный удар австрийской и румынской армий в тыл борющемуся с Турцией Балканскому союзу.

Российская пресса отмечала при этом, что Бальхаусплатц, воздействуя на австрийские и венгерские газеты в примирительном духе, пытается заглазить собственные ошибки и просчеты, которые в значительной степени сделали возможным возникновение Балканского союза и крушение Европейской Турции.

Крайне правые издания считали, что роковой ошибкой империи Габсбургов стала переоценка болгаро-сербского антагонизма, самой же Веней активно подогреваемого:

¹⁴ Русские ведомости, 16.X.1912.

¹⁵ Утро России, 25.X.1912.

¹⁶ Новое время, 16.X.1912.

¹⁷ Голос Москвы, 23.X.1912.

на Бальхаусплатц были настолько уверены в непримиримости соперничества между Софией и Белградом за влияние на Балканах, в частности за преобладание в Македонии, что просмотрели возникновение Балканского союза. Стремительный разгром болгарскими и сербскими турецкой армии, отмечала черносотенная газета «Русское знамя», привел венских и будапештских политиков в крайнее удивление и озабоченность. «Всегдашним их девизом было разъединять славян и каждого поодиночке крушить под немецкую руку». Казалось, что на протяжении веков Габсбургам это блестяще удавалось: были уже подчинены чехи, словаки, хорваты, поляки, галицкие русины, боснийцы. В результате «успех вскружил австрийцам голову и они, совместно с венгерцами, всерьез вообразили, что славяне созданы исключительно на их благополучие и, не долго думая, составили целый план постепенно поглотить всех балканских славян»¹⁸. Однако теперь победы союзников над турецкими войсками продемонстрировали и Австрии, и самим сербам силу независимого сербского государства. Теперь уже не империя Габсбургов, а королевство Карагеоргиевичей превращается в центр притяжения для южных славян.

«Голос Москвы» также усматривал основную причину провала политики Австрии, 30 лет готовившейся стать наследницей «больного человека» Европы и в результате не получившей ничего из его наследства, в просчетах дипломатов с Бальхаусплатц, не ожидавших стремительных побед балканских союзников над Турцией. Смена настроений в австрийской прессе, меланхолически размышляющей теперь о перспективах нового посттурецкого устройства Балканского полуострова, является вполне логичным следствием того потрясения, которое пережили венские и будапештские политики после внезапного разгрома Турции. Австрии «ничего не остается делать более, как повторить фразу Эренталя: “Австрия насыщена и ничего более не хочет”...потому что, если бы даже она и хотела, ей все равно ничего не дадут»¹⁹.

«Утро России» полагало, что важнейшей из совершенных австрийской дипломатией ошибок стала аннексия Боснии в 1908 г., открывшая ящик Пандоры расхищения наследства «больного человека» Европы и заставившая балканские государства объединиться для защиты от австрийского экспансионизма. Многие в Австрии начинают понимать, сообщила газета, что присоединение Боснии и Герцеговины, казавшееся в тот момент огромным достижением австрийской дипломатии и лично А. Эренталя, стало для империи Габсбургов пирровой победой. Своим поступком Австрия ускорила развал Османской империи. Вторжение итальянцев в Ливию и захват балканскими союзниками Македонии, Фракии, Косово и Эпира — все это в значительной степени следствия аннексионного кризиса 1908—1909 гг. Еще одной роковой ошибкой Эренталя «Утро России» считало вывод войск из Новобазарского санджака, ставший платой за признание акта аннексии Боснии со стороны Турции и России. Если бы австрийцы не пошли на это в 1909 г., то сербы и черногорцы не посмели бы вторгнуться в Косовский вилайет и вообще начать войну против турок. «Судьба жестоко посмеялась над ними (австрийцами. — Б. К.): их жатва собирается в славянские житницы!»²⁰, — с удовлетворением писала газета прогрессистов в ноябре 1912 г.

Заигрывания австрийской дипломатии с сербами и черногорцами оказались не продолжительными. Получив отказ сербского правительства на негласно предъявленные ему в начале ноября 1912 г. требования, Вена вернулась к более характерной для нее политике угроз и давления на своего южного соседа. Стремясь сохранить экономическую зависимость Сербии от транзита товаров через свою территорию, Австро-Венгрия решительно выступила против предоставления сербам собственного

¹⁸ Русское знамя, 28.X.1912.

¹⁹ Голос Москвы, 3.XI.1912.

²⁰ Утро России, 8.XI.1912.

порта на побережье Адриатического моря. Совместно со своими союзниками Италией и Германией дуалистическая монархия выдвинула проект создания в западной части Балканского полуострова отдельного албанского государства. Албания должна была преградить сербам путь к Адриатике и лишить их значительной части завоеванных в войне с Турцией территорий. Страны Тройственного союза поддержали провозглашение независимости Албании, которое состоялось 28 (15) ноября 1912 г. на всеалбанском конгрессе в Валоне, и потребовали от Сербии, Греции и Черногории вывести войска из населенных албанцами районов.

Однако в Белграде, Афинах и Цетинье на эти заявления не обратили внимания. 29 (16) ноября, на следующий день после провозглашения независимости Албании, сербские войска заняли порт Дураццо и крупнейший город Центральной Албании Эльбасан. Тем самым сербы вышли к береговой линии Адриатики. Сербская неуступчивость объяснялась уверенностью в том, что Россия не останется пассивной и окажет вооруженную поддержку Сербии в случае австрийского нападения. Источником таких настроений была как весьма влиятельная часть российской прессы, выражавшая свои славянофильские чувства («Новое время», «Утро России», «Голос Москвы» и др.), так и российский посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг, конфиденциально сообщавший сербским политикам о готовности Петербурга оказать Сербии всю необходимую помощь, что шло вразрез с истинными намерениями Министерства иностранных дел²¹.

После занятия сербами Дураццо австрийская дипломатия в ультимативной форме потребовала от Белграда очистить Скутарийский вилайет, заявив, что выход сербской армии к Адриатическому морю представляет угрозу для жизненных интересов монархии. Свои требования австрийцы подкрепляли военными мерами давления и устрашения. Генштаб Австро-Венгрии приступил к мобилизации корпусов, расположенных поблизости от сербской границы — в Боснии, Далмации, Хорватии, а также на границе с Россией в Галиции. К началу декабря были полностью мобилизованы шесть австро-венгерских корпусов, усилены до штатов военного времени семь корпусов. Количество войск, находящихся в Галиции, достигло 500 тыс. человек, на границе с Сербией и Черногорией — 200 тыс., а всего под ружьем находилось 850 тыс. солдат и офицеров. Тем самым Вена демонстрировала готовность отстаивать свои требования, если понадобится, силой оружия. Пресса этой страны начала кампанию травли Сербии, угрожая военной расправой в случае неподчинения требованиям Австрии.

В ответ на эти действия военный министр России В. А. Сухомлинов, получив одобрение царя, в связи с напряженной ситуацией в Европе задержал до 1 января 1913 г. увольнение в запас 350 тыс. нижних чинов очередного срока службы в военных округах Европейской части России и Кавказа. На границе с австрийской Галицией были сосредоточены русские войска. В боевую готовность были приведены русский Черноморский флот и австро-венгерский флот на Адриатике. В отношениях между Россией и Австро-Венгрией начался так называемый «мобилизационный кризис». В первой половине декабря 1912 г. казалось, что австро-сербский спор из-за албанских гаваней может перерасти в войну русско-австрийскую, а, возможно, и мировую. В это время, как отмечает О. Р. Айрапетов, «Австро-Венгрия и Россия вплотную подошли к границе, за которой события могли принять неуправляемый характер»²².

При всей неожиданности этого нового поворота австрийской политики — от попыток сближения с балканскими победителями к выставлению ультимативных требований — русская пресса не была им удивлена, считая это проявлением свойственного

²¹ Гусев Н. С. Сербь в борьбе за Адриатику на поле русского общественного мнения в 1912 г. — Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов III-й всероссийской научной конференции. 29 апреля 2016. Самара, 2016, с. 70–71.

²² Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006, с. 564.

габсбургской дипломатии крайнего лицемерия и двуличия, к которому уже привыкла общественность европейских стран. «Австрийская дипломатия мгновенно сбросила с себя личину смирения и из ласковой кошечки превратилась в злобную пантеру»²³, — писало «Русское слово». Хотя правительство Дунайской империи и заявило, что намерено считаться с новым положением на Балканах, отмечала в свою очередь газета «Московские ведомости», однако «граф Берхтольд не мог отрешиться от той неискренности, которая составляла главный элемент всегдашней австрийской политики». Вена по-прежнему ищет способы ограничить суверенитет своих балканских соседей. Инструментом для достижения этой цели должна стать Албания, в Вене ее рассматривают только как «преданного раба для действий против славянских государств»²⁴.

Иногда в российских газетах появлялось более глубокое объяснение непоследовательности политики Австро-Венгрии, чем простое указание на традиционное коварство венской дипломатии. По информации «Нового времени», метания Вены от одного требования к другому связаны с борьбой в правящих сферах империи Габсбургов, где существуют два подхода к определению внешней политики: с одной стороны, стремление сохранить мир и пойти на сделку с Балканским союзом, а с другой — требования противодействовать Сербии до конца вплоть до войны на два фронта — против Балканского союза и России²⁵. Первое течение связывают с именем императора Франца Иосифа, не желающего якобы омрачать конец своего правления войной, которая может привести Дунайскую монархию к гибели. По названию резиденции императора сторонников данной внешнеполитической линии условно именуют «партией Шёнбрунна». Ей противостоит воинственная «партия Бельведера» во главе с племянником императора наследником престола Францем Фердинандом, его поддерживает армейская верхушка.

Кадетская «Речь» связывала разногласия, существующие среди политической и военной элиты Австро-Венгрии, с тем обстоятельством, что для империи Габсбургов вообще не существует выгодного варианта решения сербской проблемы. Лидер партии конституционных демократов П. Н. Милюков на страницах «Речи» подчеркивал, что кризис из-за выхода Сербии к Адриатике есть лишь проявление глубинного австро-сербского антагонизма, представляющего собой самую большую опасность для сохранения европейского мира²⁶. Особую остроту этому конфликту придает то, что на карту поставлено не просто влияние австрийского государства на Балканах, а вопрос — быть или не быть Австрии. Милюков считал, что время работает против австро-венгерской государственности. Ее противники всегда готовы отложить осуществление своих национальных задач до лучшего будущего. Отсюда все возрастающая нервность австрийских политиков и военных, среди которых усиливаются настроения в пользу превентивного военного удара по Сербии. Однако, как указывал Милюков, аннексия Сербии создаст для Австро-Венгрии новые проблемы: это лишь ускорит ее превращение в славянское государство *par excellence*²⁷ и лишит немцев и венгров их господствующего положения.

Другая контролировавшаяся кадетами газета «Русские ведомости» не считала противостояние между Дунайской монархией и национальным сербским государством столь предопределенным и неизбежным. Она обращала внимание на то, что интересы двух частей империи Габсбургов — Австрии и Венгрии — в сербском вопросе далеко не

²³ Русское слово, 28.X.1912.

²⁴ Московские ведомости, 1.XI.1912.

²⁵ Новое время, 28.XI.1912.

²⁶ Речь, 13.I.1913.

²⁷ по преимуществу (франц.).

тождественны²⁸. По мнению газеты, промышленно развитая Цислейтания (австрийская часть империи) и аграрная Сербия могли бы найти взаимоприемлемый компромисс, установить экономический симбиоз, если бы не интересы венгерских магнатов, оберегающих свое собственное сельскохозяйственное производство, а потому препятствующих доступу продукции балканского земледелия и животноводства на рынки Дунайской империи. К тому же в противостоянии Будапешта сербам есть и политическая сторона: триалистское переустройство Габсбургской империи, которое должно стать платой за союз с Сербией, угрожает в первую очередь Венгрии, от которой в этом случае должны быть отторгнуты значительные территории, населенные югославянами, — Хорватия, Славония, Воеводина. Вследствие этого венгры, которых «Русские ведомости» называли родственными туркам «азиатскими врагами» славянства, будут и дальше противодействовать усилению сербского государства.

Осуждение действий Австро-Венгрии, начавшей активно вмешиваться в Балканскую войну, в русской прессе было единодушным. Практически все издания указывали на то, что требования Вены создать отдельное албанское государство продиктованы стремлением лишить сербов большей части военных трофеев, а также желанием и дальше контролировать хозяйственное развитие Сербии. Русская пресса подчеркивала, что стабильный порядок на Балканах, а, следовательно, и спокойствие в Европе возможны только при удовлетворении жизненных интересов всех балканских государств. Таким жизненным интересом для Сербии является свободный доступ к морскому товарообмену.

«Новое время», называвшее поведение Вены политическим мародерством, было уверено, что создание Албании это только способ удержать Сербское королевство в «крепостной зависимости» от Австрии²⁹. «Московские ведомости» писали, что для Сербии, которую Австрия постоянно донимает своими таможенными придирками, выход к морю нужен, «как хлеб насущный»³⁰. Только это позволит королевству стать, наконец, независимым от Вены не только политически, но и экономически. Журнал «Вестник Европы» находил, что австрийский интерес в данном вопросе «только отрицательный»: речь идет об искусственном стеснении промышленного развития соседней страны, а не о приобретении для себя каких-либо положительных выгод. Австрийцы и дальше хотят эксплуатировать Сербию в качестве своего сырьевого придатка, поставляющего в Австрию главным образом продукцию животноводства, получая из Австрии большую часть промышленных товаров³¹.

«Утро России» утверждало, что «Сербия, владеющая морскими путями, — это жупел австрийской политики», так как выход к морю означает для Сербии освобождение от австрийской экономической гегемонии, обретение полной независимости. Эта газета предполагала, что страны Тройственного союза не будут сопротивляться территориальному расширению Болгарии, а все усилия свои направят на ограбление Сербского королевства. Именно поэтому российской дипломатии следует уделить особое внимание защите интересов Сербии³². С этим было полностью согласно «Русское слово». Вероятно, получив сведения о секретных австро-сербских переговорах о заключении таможенной унии и союза, оно сообщало своим читателям, что в Вене и Будапеште уже не довольствуются экономической зависимостью Сербии и хотят политически подчинить ее. Дунайская империя якобы только в том случае признает присоединение

²⁸ Русские ведомости, 1.XI.1912.

²⁹ Новое время, 25.X.1912.

³⁰ Московские ведомости, 1.XI.1912.

³¹ Вестник Европы, 1912, декабрь, с. 375.

³² Утро России, 26.X.1912.

к Сербии турецких владений, если король Петр Карагеоргиевич согласится поставить внешнюю политику своей страны под австрийский контроль.

Издания октябристов, прогрессистов и умеренных националистов, настаивавшие на жесткой позиции в отношении австрийских домогательств, полагали, что Вена не собирается доводить дело до войны и вся история с мобилизацией есть блеф и тонкая игра на нервах стран Антанты, которые, по расчетам стратегов с Бальхаусплатц, должны отступить перед угрозой единоличного военного выступления Австрии на Балканах. Такие газеты, как «Утро России», «Новое время», «Голос Москвы», «Московские ведомости», всю дипломатическую игру Австрии называли откровенным шантажом, эксплуатирующим страх европейских народов перед большой войной, какой Европа не знала с 1870 г., т.е. со времени франко-прусской войны. Эти газеты подчеркивали, что на самом деле Австрия не хочет войны и боится ее, пожалуй, больше, чем любая другая держава, поскольку вся военная история этого государства — цепь унижительных поражений.

«Утро России» не без злого сарказма напоминало, что союзники империи Габсбургов, немцы и итальянцы, прежде чем сблизиться со «злополучными австрийцами», наголову разгромили их в войнах 1859 и 1866 гг. «Откуда, — спрашивала газета прогрессистов, — монархия Габсбургов, отличавшаяся до сих пор лишь искусством заключать браки да удивлять мир своею неблагодарностью, набралась такого героизма, что готовится начать войну на два фронта: против России и Балканского союза?»³³ Однако австрийцы, как азартные игроки, играют ва-банк, и эта игра, с досадой отмечало «Утро России», почти всегда им удается.

«Московские ведомости» указывали, что тактику запугивания России войной австрийцы уже неоднократно опробовали в ходе предыдущих кризисов на Ближнем Востоке. Эта угроза настолько гипнотизирует соседей Австрии, что они готовы отказаться в ее пользу от большей части своих завоеваний и «выдать лакомую подачку бряцающему дуалисту»³⁴. На самом деле австро-венгерская армия слаба, и главная ее слабость — это ее боевой дух, находящийся на весьма низком уровне в силу национальной вражды внутри разношерстной империи Габсбургов. Генштаб этой страны, сообщали «Московские ведомости», уже вынужден сосредоточить против России и Сербии преимущественно неславянские полки (в Галиции — немецкие, на сербской границе — венгерские). В Шёнбрунне и Бельведере это прекрасно знают и делают ставку не на силу своих войск, а на хитрость и изворотливость своей дипломатии.

«Новое время» также отмечало, что дуалистическая Габсбургская монархия, «неудачливая до отчаяния на полях битв и от всех — даже от собственных подданных — терпевшая неизменно поражения», сохраняет место в ряду великих держав исключительно благодаря искусству своей дипломатии. Газета уверенно заявляла, что Австрия не пойдет на войну из-за порта Дураццо и весь шум вокруг этого вопроса был поднят Бальхаусплатц для того, чтобы, напугав остальные державы перспективой войны, добиться своего. По мнению «Нового времени», дипломаты стран Антанты окажутся глупцами, если будут всерьез воспринимать весь этот «бутафорский натиск» Австрии³⁵.

Более серьезно к австрийским угрозам относилась либеральная пресса; но и она призывала российскую дипломатию не отступать перед ними. «Русское слово» указывало, что у австрийцев есть мирный путь отстаивания своих интересов — общеевропейская конференция, которая будет созвана для обсуждения последних изменений на Ближнем Востоке и на ней великие державы должны будут утвердить или

³³ Утро России, 29.XI.1912.

³⁴ Московские ведомости, 27.XI.1912.

³⁵ Новое время, 31.X.1912.

скорректировать условия прелиминарного мира между Портой и балканскими победителями. Этому цивилизованному пути Австро-Венгрия предпочитает метод запугивания и шантажа ради достижения целей, даже четко не сформулированных австрийской дипломатией. «Легкомысленная игра с огнем дунайских аферистов чревата самыми тяжелыми последствиями для европейского мира», — предупреждало «Русское слово»³⁶.

«Речь», в свою очередь, полагала, что единственный способ борьбы с австрийскими домогательствами — не уступать Дунайской монархии в степени подготовленности армии к войне. С несвойственной ей воинственностью кадетская газета в начале ноября 1912 г. писала: «На мобилизацию флотов надо ответить такой же мобилизацией. На мобилизацию сухопутных сил нужно ответить тем же»³⁷. Россия, по мнению кадетов, отнюдь не обязана отождествлять полностью свои интересы с интересами Сербии, но выход сербов к морю необходим для поддержания прочного порядка на Балканах и для сохранения тем самым европейского равновесия и мира.

В конце ноября — начале декабря 1912 г. австро-сербский конфликт обострился настолько, что мог в любой момент перерасти в войну между обоими государствами. Вена и Белград занимали непримиримые позиции. Русская пресса осознавала, что возможное вторжение австро-венгерской армии в пределы Сербии, т.е. фактическое вступление Дунайской империи в войну на стороне Турции, поставит перед Россией чрезвычайно важную дилемму — сохранить нейтралитет и тем самым санкционировать безнаказанное хозяйничанье Австрии на Балканах, либо реагировать соответствующими военными мерами с перспективой втягивания в войну Германии как союзника Австро-Венгрии. Большинство российских газет считало, что Россия не может остаться пассивной без риска полной потери влияния на Балканах и престижа в Европе в целом.

Опасный признак приближения войны русская пресса усматривала в перемещениях на высших командных должностях в австро-венгерской армии. В начале декабря 1912 г. на место начальника Генерального штаба был возвращен генерал Ф. Конрад фон Хётцендорф, уволенный за год до этого из-за конфликта с А. Эренталем. Одновременно М. Ауфенберга в должности военного министра сменил генерал А. Кробатин. Русские газеты однозначно расценили эти назначения как демонстрацию в адрес России и Сербии и как победу воинственной «партии Бельведера» во главе с Францем Фердинандом над более осторожной «партией Шёнбрунна», к которой причисляли графа Берхтольда.

«Русское слово» предполагало, что в ближайшее время Вена предъявит сербскому правительству ультиматум, потребовав гарантий «дружественного» отношения к дуалистической монархии. Эти гарантии должны будут включать требования выйти из Балканского союза и ограничить численность сербской армии до уровня, указанного австро-венгерским генштабом. «Русское слово», однако, не сомневалось, что Белград отвергнет эти требования, а потому «австрийская мания величия серьезно угрожает европейскому миру». По мнению газеты, руководители Дунайской империи готовы были ввязаться в войну именно вследствие слабости своего государства, а не его силы. Военной партии в Вене и Будапеште «война нужна во что бы то ни стало для отвлечения общественного внимания от неизлечимых язв внутренней жизни двуединой империи»³⁸. Причем венгерскому правительству это якобы необходимо больше, чем австрийскому, поскольку граф И. Тиса, председатель палаты депутатов и лидер самой влиятельной в Венгрии Партии труда, своими насилиями в парламенте против

³⁶ Русское слово, 13.XI.1912.

³⁷ Речь, 1.XI.1912.

³⁸ Русское слово, 29.XI.1912.

оппозиции скомпрометировал возглавляемую им партию и поставил под вопрос легитимность своей власти.

Корреспондент «Нового времени» в Вене Д. Янчевецкий сообщал в конце ноября 1912 г. о настроениях, которые царили в это время в Австро-Венгрии в связи с активными военными приготовлениями на сербской и русской границе. Мобилизация, по его словам, вызывает недовольство славянского населения империи, кроме «украинцев-мазепинцев», а также галицких поляков, собирающихся воспользоваться ожидаемой войной Австрии против Сербии и России для организации восстания в Привислинских губерниях Российской империи и объединения всей Польши под властью Габсбургов. По словам Янчевецкого, из всех многочисленных народов Австро-Венгрии уничтожения Сербии желали лишь немцы и венгры, эти «носители двуединой государственной идеи», остававшиеся господами положения в обеих частях империи. Для них главная опасность состоит в том, что победы сербов, болгар и черногорцев придали уверенность австрийским и венгерским славянам, окрылили их надеждами на улучшение их собственного положения. Это «возрождение славянской идеи», по мнению немецко-венгерского меньшинства, должно быть разбито в самом начале, иначе потом будет слишком поздно³⁹.

Несмотря на осуществленную мобилизацию, Петербург отнюдь не был склонен полностью солидаризироваться с сербскими требованиями. Учитывая военную неподготовленность России к столкновению с Германией и Австрией, а также довольно слабую поддержку России в вопросе о выходе Сербии к Адриатике со стороны партнеров по Антанте, Сазонов писал в Белград Гартвигу: «Мы категорически предупреждаем Сербию, чтобы она отнюдь не рассчитывала увлечь нас за собой. На вооруженное столкновение с державами Тройственного союза из-за вопроса сербского порта мы не пойдем»⁴⁰. В российском Министерстве иностранных дел было принято решение не противодействовать австрийскому проекту создания отдельной Албании. На открывшемся 17 (4) декабря 1912 г. совещании послов великих держав в Лондоне, призванном выработать взаимоприемлемые условия послевоенного урегулирования на Балканах, все державы, включая Россию, высказались за создание автономной (при номинальном суверенитете султана и под европейским контролем) Албании. Сербии взамен территориального продвижения к Адриатике предоставлялся лишь коммерческий выход к морю посредством проведения интернационализированной железной дороги по албанской территории. Как верно замечает А. В. Игнатьев, «достигнутый компромисс был более выгоден Австро-Венгрии, Италии и Германии и означал определенный успех австро-германской политики “бронированного кулака”»⁴¹.

Известие о решении Лондонской конференции создать Албанию, лишив сербов их завоеваний на Адриатике, вызвало в русской прессе бурю негодования. Все издания восприняли это как огромный успех Австро-Венгрии, поддержанной, как и во время Боснийского кризиса, мощью своего германского союзника. «Полный триумф австрийской дипломатии. Блестящая победа политики Тройственного союза над так называемым Тройственным соглашением»⁴², — оценивало итоги дипломатической борьбы вокруг Албании «Утро России». При этом победа Берхтольда, считала газета, оказалась даже более полной, чем Эренталя в 1909 г. Тогда Австро-Венгрия вынуждена была очистить от своих войск Новобазарский санджак, выплатить Турции

³⁹ Новое время, 26.XI.1912.

⁴⁰ Цит. по: *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985, с. 122.

⁴¹ *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России 1907–1914. Тенденции. Люди. События. М., 2000, с. 164.

⁴² Утро России, 11.XII.1912.

денежную компенсацию за Боснию и Герцеговину и согласиться на освобождение черноргорских портов от ограничений, предусмотренных Берлинским трактатом. Сейчас же Австрия не идет ни на какие уступки, ее требования выполняются державами беспрекословно. «Утро России» подчеркивало, что главным результатом побед балканцев над Османской империей стало усиление могущества Габсбургов в регионе. «Австрия совершенно уже освоилась в роли балканского гегемона, отбросила излишние церемонии, торжествует в упоении своей блестящей, бескровной победы над отступившей перед нею по всей линии Россией»⁴³.

«Новое время» назвало согласие российской дипломатии на создание албанского государства «дипломатическим Мукденом», который наносит еще более чувствительный удар по престижу России и ее роли защитницы славянских интересов на Балканах, чем боснийская «дипломатическая Цусима» 1909 г. Для Сербии решение, найденное в Лондоне, не является выходом. Торговый доступ к морю по территории другого государства всегда может быть закрыт австрийцами, имеющими возможность в любой момент организовать морскую блокаду порта, предоставленного милостью держав в пользование сербам. Такое разрешение австро-сербского спора является «ужасным ударом для славянства» и «позорным отступлением» российской дипломатии, которое опасно еще и тем, что оно только разжигает австрийские аппетиты. «Новое время» предупреждало, что на требовании удалить сербов из Северной Албании Вена не остановится⁴⁴.

«Голос Москвы» обращал внимание на то, что австрийская дипломатия одержала блестящую победу в тот момент, когда внутривосточная ситуация в самой Австро-Венгрии оказалась критической: в австрийском парламенте продолжается обструкция чешских депутатов, финансовое положение империи столь плачевное, что последний заем не удалось заключить на европейских биржах и министр финансов Билинский вынужден был обратиться за помощью к нью-йоркским банкирам⁴⁵. Трудно представить себе, писала газета, чтобы Австрия перешла от угроз к действиям, когда подавляющее большинство славянских подданных императора Франца Иосифа не желают войны с Сербией из-за границ Албании. Международную ситуацию также нельзя назвать благоприятной для Австрии: страны Тройственного союза к войне не готовы и уж тем более не стали бы начинать войну с Балканским союзом и Антантой из-за сербского порта на Адриатике. По мнению октябристского издания, единственное, что в этих условиях спасло империю Габсбургов от полного провала своей балканской политики, это трусость и крайнее миролюбие русской дипломатии, на которую в Вене рассчитывают больше, чем на собственную силу, и даже больше, чем на силу своего германского союзника.

«Русское слово» также характеризовало позицию России и ее партнеров по Антанте в вопросе о выходе Сербии к Адриатическому морю как «ненужное отступление», которое будет иметь большие последствия для Европы⁴⁶. Газета опасалась, что и отказ Белграда от порта на Адриатике не является гарантией мирного поведения Австро-Венгрии, поскольку даже в случае создания отдельного албанского государства Вена не решит главную задачу своей внешней политики — не получит выход к Эгейскому морю. Теперь, когда у австрийских политиков руки оказались развязанными, следует ждать появления новых ультимативных требований «дунайских победителей», прозорливо писало «Русское слово», предполагая, что после дипломатической победы над Сербией Австро-Венгрия возьмется за Черногорию. При этом невозможно предугадать, где остановится дипломатия двуединой империи, поскольку удовлетворение одного притязания Австрии вызывает появление нового, еще более необоснованного.

⁴³ Утро России, 12.XII.1912.

⁴⁴ Новое время, 10.XII.1912.

⁴⁵ Голос Москвы, 21.XI.1912.

⁴⁶ Русское слово, 8.XII.1912.

В результате графу Берхтольду удается шаг за шагом урезать приобретения Сербии и Черногории. По мнению «Русского слова», дипломатия стран Антанты совершила ошибку, согласившись с австрийским намерением рассматривать последовательно отдельные спорные вопросы по Балканам вместо того, чтобы разрешить ближневосточный вопрос в целом на конференции⁴⁷.

Библиография

- Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.
- Гусев Н. С.* Сербь в борьбе за Адриатику на поле русского общественного мнения в 1912 г. В кн. Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов III-й всероссийской научной конференции. 29 апреля 2016. Самара, 2016.
- Жогов П. В.* Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912–1913 гг. М., 1969.
- Игнат'ев А. В.* Внешняя политика России 1907–1914. Тенденции. Люди. События. М., 2000.
- Кострикова Е. Г.* Геополитические и интересы России и славянский вопрос. Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.
- Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. Научный руководитель В. Л. Мальков, отв. ред. Г. Д. Шкундин. М., 2002.
- Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
- Bridge F. R.* Österreich(-Ungarn) unter den Grossmächten. — Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Hrsg. von A. Wandruszka und P. Urbanitsch. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen, T. 1. Wien, 1989.
- Helmreich E. C.* The Diplomacy of the Balkan Wars. 1912–1913. Cambridge, 1938.

References.

- Ajrapetov O. R.* Vneshnjaja politika Rossijskoj imperii (1801–1914). Moskva, 2006.
- Bridge F. R.* Österreich(-Ungarn) unter den Grossmächten. — Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Hrsg. von A. Wandruszka und P. Urbanitsch. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen, T. 1. Wien, 1989.
- Gusev N. S.* Serby v bor'be za Adriatiku na pole russkogo obshhestvennogo mnenija v 1912 g. — Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istorija i sovremennost'. Samara, 2016.
- Helmreich E. C.* The Diplomacy of the Balkan Wars. 1912–1913. Cambridge, 1938.
- Ignat'ev A. V.* Vneshnjaja politika Rossii 1907–1914. Tendencii. Ljudi. Sobytiya. Moskva, 2000.
- Kostrikova E. G.* Geopoliticheskie interesy Rossii i slavjanskij vopros. Idejnaja bor'ba v rossijskom obshhestve v nachale XX veka. Moskva, 2017.
- Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. Moskva, 2002.
- Pisarev Ju. A.* Velikie derzhavy i Balkany nakanune pervoj mirovoj vojny. Moskva, 1985.
- Zhogov P. V.* Diplomacija Germanii i Avstro-Vengrii i pervaja Balkanskaja vojna 1912–1913 гг. Moskva, 1969.

⁴⁷ Русское слово, 10.I.1913.